

II. Апостольское чтение.

Зачало (23): Деяния Святых Апостолов 9:32-42.

32 Стучилось, что Петр, обходя всех, пришел и к святым, живущим в Лидде.

33 Там нашел он одного человека, именем Эней, который восемь уже лет лежал в постели в расслаблении.

34 Петр сказал ему: Эней! исцеляет тебя Иисус Христос; встань с постели твоей. И он тотчас встал.

35 И видели его все, живущие в Лидде и в Сароне, которые и обратились к Господу.

36 В Ионнии находилась одна ученица, именем Тавифа, что значит: "серна"; она была исполнена добрых дел и творила много милостынь.

37 Стучилось в те дни, что она занемогла и умерла. Ее омыли и положили в горнице.

38 А как Лидда была близ Ионнии, то ученики, услышав, что Петр находится там, послали к нему двух человек просить, чтобы он не замедлил придти к ним.

39 Петр, встав, пошел с ними; и когда он прибыл, ввели его в горницу, и все вдовицы со слезами предстали перед ним, показывая рубашки и платья, какие делала Серна, живя с ними.

40 Петр выслал всех вон и, преклонив колени, помолился, и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань. И она открыла глаза свои и, увидев Петра, села.

41 Он, подав ей руку, поднял ее, и, призвав святых и вдовиц, поставил ее перед ними живую.

42 Это сделалось известным по всей Ионнии, и многие уверовали в Господа.

Практический очерк содержания рядового чтения.

Апостольское чтение недели представляет нам торжественное подтверждение слов Спасителя: “верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит” (Иоан. 14:12).

После того, как Божий Промысел прекратил жестокость гонений, которым подвергались первенствующие христиане от иудеев, и даровал мир церквям, “по всей Иудее, Галилее и Самарии” (ст. 31), “случилось,” повествует богодухновенный писатель, “что Петр, обходя всех, пришел и к святым, живущим в Лидде” (ст. 32). Цель его апостольского путешествия состояла, без сомнения, в том, чтобы верующих утвердить в вере и добродетели, а неверующих обратить к истине от заблуждения.

Посещая таким образом всех, живших в тех местах, он пришел наконец и к святым, жившим в городе Лидде, — святым потому, что их жизнь и дела были святы. В этом городе Петр “нашел он одного человека, именем Эней, который восемь уже лет лежал в постели в расслаблении” (ст. 33). Кто был этот Эней, неизвестно. Подражая примеру Иисуса Христа, который часто творил чудеса по одному милосердию к страждущим, апостол Петр исцелил больного без всякой с его стороны просьбы. Каким же способом исцелил? Единым словом. “Петр сказал ему: Эней! исцеляет тебя Иисус Христос; встань с постели твоей. И он тотчас встал” (ст. 34). Какая удивительная сила имени Иисусова! Чудо обратило к вере всех, бывших его очевидцами. Увидев, что прежде расслабленный сделался теперь здоров, встал и начал ходить, “все, живущие в Лидде и в Сароне, ... и обратились к Господу” (ст. 35).

Совершив такое великое чудо, апостол Петр совершает другое, еще большее. В соседнем с Лиддой городе *“Иоппии находилась одна ученица, именованная Тавифа, что значит: “серна”*” (ст. 36). Она принадлежала к числу верующих в Иисуса Христа учениц и носила еврейское имя Тавифа, что значит на нашем языке *С е р н а* — животное, имеющее острое зрение и быстроту бега, так как девица Тавифа имела, как остроту ума в избрании добрых дел, так и быстрое усердие в исполнении их. Она была *“исполнена добрых дел и творила много милостынь”* (ст. 36). *“В те дни,”* когда апостол Петр проходил через иудейские города, посещая всех там живших христиан, Тавифа заболела и умерла. Бывшие при ней верующие, *“ее омыли и положили в горницу”* (ст. 37). Так как город Иоппия был недалеко от Лидды, то верующие, услышав, что апостол Петр находится в Лидде, *“послали к нему двух человек просить, чтобы он не замедлил прийти к ним”* (ст. 38). Они надеялись, что Петр, исцеливший перед ними расслабленного Енея, может воскресить из мертвых и Тавифу.

Апостол Петр немедленно явился с посланными. Они ввели его в горницу, где лежало мертвое тело Тавифы. Тут предстали перед апостолом бедные вдовы, плакавшие о том, что они лишились в умершей своей питательницы и благодетельницы, и, в доказательство благотворительности усопшей, указывали ему на те одежды, какими она одарила их (ст. 39). Что же сделал тогда Петр? *“Выслал всех вон”* из комнаты, чтобы устремить наедине все мысли свои к Богу, он *“и, преклонив колени, помолился.”* И *“обратившись,”* после пламенной молитвы, *“сказал: Тавифа! встань. И она,”* как бы после обыкновенного сна, *“открыла глаза свои и, увидев Петра, села ”* (ст. 40). Подав ей руку помощи, он *“поднял ее”* с места, на котором она лежала. Когда же Тавифа восстала из мертвых и с одра своего, тогда Петр *“призвав святых и вдовиц,”* плакавшие прежде неутешно, *“поставил ее”* перед ними *“живою,”* дабы показать этим, что он просил Бога о воскресении ее ради их слез и утешения (ст. 41).

Что же последовало за чудом? Неверующие сделались верующими. Чудо воскресения Тавифы уведано бысть *“по всей Иоппии,”* заключает апостол, *“и многие уверовали в Господа”* (ст. 42). Так исполнились слова Спасителя, сказанные ученикам своим: *“верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит!”*

Из частных тем для гомилетической разработки могут быть следующие:

Тема I.

“Тавифа, встань” (ст. 40).

С воскресением Иисуса Христа воскресают и мертвые. Одно слово Петра, — и умершая Тавифа восстала из гроба.

Все церковные торжества, от Пасхи до Пятидесятницы, служат одним великим праздником нашего воскресения и призывают нас к воскресению.

Как Тавифа умерла и воскресла, так и мы должны теперь умирать и воскресать.

Мы должны теперь умирать и воскресать.

1. Умирать для греха.

Что происходит, когда умирают телом, и что значит поэтому умирать для греха?

а) Разлучаются. Телесная смерть есть разлучение, часто очень горькое разлучение со всеми близкими сердцу. Так и смерть для греха есть разлучение со всякими греховными сообщниками.

б) Отказываются от всего. В телесной смерти расстаются со всеми приятностями и удовольствиями жизни и с самой жизнью. Точно так же и при смерти для греха мы должны отказаться от всех греховных удовольствий, от всякого излишества в пище и питии, от всяких неправедных приобретений, праздности и проч.

в) Становятся бесчувственными. На слух, зрение сердце и плоть умершего не действуют более никакие внешние прельщения. Так и на нас не должны более производить впечатления ни злые речи, ни греховные награды, ни обольстительные греховные обещания. Житейские огорчения нужно стряхивать, как снежные хлопья. Мы должны быть холодны и тверды!

г) Успокаиваются. Телесно умерший спокоен. Так и мы должны успокаивать и подавлять в себе всякие мучительные сомнения. Мы должны веровать именно тому и так, чему и как учит Святая Церковь. Мы должны подавлять в себе возникающие нечистые мысли и пожелания, недовольство житейскими отношениями, бурю страстей в нашей груди и проч.

д) Погребаются. Едва только человек закрывает глаза в смерти, как думают об его погребении и делают все необходимые для этого приготовления. Так и мы должны теперь после Пасхи позаботиться о погребении всякой ненависти, страсти и проч.

2. Воскресать для добродетели.

Недостаточно только умирать: мы должны также и воскресать. Что было бы с делом Спасителя, если бы Он только умер?! *“Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения”* (Рим. 6:5). После воскресения Господа недостаточно ограничиваться только тем, чтобы более не грешить: мы должны также и жить для добродетели. Добродетельная жизнь есть действительное воскресение, восстание, возвышение. Мы возвышаемся:

а) В вере и надежде. Воскресение Господа дало апостолам веру и надежду: они проповедывали теперь о воскресшем Господе, о нашем собственном воскресении и небесном наследии. На этой вере основана христианская Церковь, живущая той же верой и надеждой. И мы также со своей стороны веруем в бессмертную жизнь и будущее воскресение с плотью, — и в этой вере и надежде мы возвышаемся над землей, устремляемся духом к небу и живем в небе!

б) В любви к Богу и в молитве. Самый лучший предмет нашей любви не почивает более во гробе. Земля не заслуживает нашей любви; Христос восстал из гроба. Сердце апостолов “горело” любовью к воскресшему Спасителю. Так должны и мы любить Господа и в этой любви возвышать ум и сердце к небу, к Богу. А самым лучшим выражением любви служит молитва. В ней дух человеческий возвышается от земли и проникает в небо.

в) В любви к ближним. Все, что делал Спаситель в страстную Пятницу и Пасху, делал из любви к людям. Поэтому и мы возлюбим наших ближних. Посредством дел милостыни, сострадания, утешения, прощения, мы высоко возвышаемся над людьми, как они обыкновенно проявляют себя.

г) В мужественном настроении духа. Как мужественны сделались апостолы по воскресении Господа? Каким мужеством мы сами исполняемся, когда видим победу другого?

Возвышаемые теперь верой и надеждой на наше воскресение, укрепляемые любовью, утешаемые и поддерживаемые молитвой, мы должны ощущать в себе бодрость и мужество духа. А мужество возвышает нас над всеми трудностями.

Пусть приходят искушения: мы их победим. Пусть обрушиваются на нас бедствия: мы их перенесем с терпением. За страстной пятницей всегда следует пасха!

д) В победе. Христос победил. Апостолы победили. Церковь празднует торжество победы. Одержим и мы победу над грехом! А в победе заключается возвышение, восстание. Каждая картина, изображающая победу, показывает, что побежденный лежит внизу, а победитель стоит сверху.

Тема II.

“Исполнена добрых дел и творила много милостынь” (ст. 36).

Много, конечно, было умерших в то время, когда апостол Петр проходил по иудейским городам — почему же чудо воскресения совершилось только над одной Тавифой, а не над кем-либо еще другим? Потому что она была *исполнена добрых дел и творила много милостынь*.

За щедрую и обильную благотворительность она удостоилась благодати воскресения. Эту истину подтверждает нам апостол Петр. Воскресив Тавифу, он, *призвав святых и вдовиц, поставил ее перед ними живою*, дабы показать, что Бог воскресил ее ради святых и вдовиц, для которых умершая была благотворительницей. Отсюда мы видим —

Какую великую силу имеет милостыня.

1. Сила милостыни.

Она восходит к небесам и низводит на нас Божье благоволение. *“Милостыни твои пришли на память пред Богом”* (Деян. 10:4).

Она выше всякой жертвы: *“милости хочу, а не жертвы”* (Мат. 9:13).

Она делает Бога нашим должником: *“благотворящий бедному дает взаймы Господу”* (Прит. 19:17; Мат. 25:40⁷).

2. Награда милостыни.

а) Земная. *“Он всякий день милует и взаймы дает, и потомство его в благословение будет”* (Псал. 36:26). Примеры; Авраам, Иов и друг. Слезы вдовиц воскресили Тавифу из мертвых.

б) Духовная. Отпущение грехов. *“Подавайте лучшие милостыню из того, что у вас есть, тогда всё будет у вас чисто”* (Лук. 11:41). *“Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут”* (Мат. 5:7).

в) Небесная и вечная. *“Приидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие”* (Мат. 25:34).

Тема III.

“Исполнена добрых дел и творила много милостынь” (ст. 36).

Тавифа представляет нам прекрасный образец благотворительности.

Для оказания дел милосердия не нужно обладать большими богатствами; достаточно иметь хотя бы некоторый излишек сверх того, что необходимо для удовлетворения нужд наших и нашей семьи.

⁷ И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне.

Свойства истинной благотворительности.

1. **Она должна происходить от доброго и искреннего сердца**, которое оказывает благодеяния с живейшей участливостью и охотой (2 Корин. 9:7⁸).

2. **Она должна быть оказываемая с мудрой расчетливостью.**

“Нужно одинаково любить всех людей, но так как вы не в состоянии благотворить всем, то оказывайте ваши благодеяния по преимуществу тем людям, которые по обстоятельствам места, времени, отношений, находятся ближе всех к вам.”⁹

3. **Она должна делать добро без огорчения**, с веселым лицом, “*при всяком даре имей лице веселое*” (Сир. 35:8; 1 Пет. 4:9¹⁰).

4. **Она должна благотворить без замедления.** “Если ты дал хлеб требующему, а между тем изнурил его медлительностью; то ты потерял и хлеб и заслугу.”¹¹

5. **Она должна совершаться втайне**, чтобы левая рука не знала, что делает правая. “Истинная благотворительность умеет скрывать свои благодеяния. Уста бедных, а не наши собственные, должны прославлять нас.”¹²

Тема IV.

“Петр сказал ему: Эней! исцеляет тебя Иисус Христос; встань с постели твоей. И он тотчас встал” (ст. 34).

Одно произнесение имени Иисуса Христа, — и расслабленный исцелился.

Великая сила имени Иисусова.

1. **Именем Иисуса Христа мы получаем спасение и всякую помощь в нужде.** “Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись” (Деян. 4:12).

“*Во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи*” (Деян. 3:6).

Болен ли ты, мучит ли тебя скорбь и проч., призывай имя Иисуса, но призывай не устами только, но и сердцем.

2. **Ради имени Иисуса вообще Бог слышит наши молитвы.** “*И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю*” (Иоан. 14:13). Поэтому, и Святая Церковь заключает все свои молитвы именем “Иисуса Христа, Господа нашего.”

3. **Именем Иисуса освящаются наши дела.** “*И всё, что вы делаете, словом или делом, всё делайте во имя Господа Иисуса Христа*” (Кол. 3:17). Если мы при входах и выходах, при начале и окончании работ, отходя ко сну и вставая со сна и т. п., произносим имя Иисуса, то самые обыкновенные наши поступки и дела становятся богоугодными и приятными Богу.

4. **Именем Иисуса мы преодолеваем опасности и искушения.** “Имя Иисуса имеет столь великую силу против диавола, что оно не редко оказывает свое действие даже и в том случае, когда произносят его без надлежащего благоговения.”¹³ Многие по собственному опыту знают, что они именем Иисуса побеждают опасности и искушения.

⁸ Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог.

⁹ Блаженный Августин de doctr. christ, lib. 1.

¹⁰ Будьте страннолюбивы друг ко другу без ропота.

¹¹ Блаженный Августин in. ps. 103.

¹² Святой Амвросий de offic. 1. 5.

¹³ Ориген.

Образцы церковной проповеди.

Поучение в неделю о расслабленном.¹⁴ (Грех есть болезнь).

“Душу мою, Господи, во гресех всяческих и безместными деяньми люте расслаблену, воздвигни божественным твоим предстательством, якоже и расслабленного воздвигл еси древле, да зову Ти спасаем: щедрый, слава Христе державе твоей.”— (Кондак).

История исцеления 38-летнего расслабленного известна; да мы и слышали ее снова в ныне чтенном евангелии. В праздник именно Святой Пасхи, — так по толковникам, — пришел Господь Иисус в Иерусалим. Была в Иерусалиме у овечьих ворот, которые овечьими назывались потому, что через них прогонялись к храму жертвенные животные, главным образом, овцы, волы и прочее, — так у этих ворот была купальня, называвшаяся по-еврейски Вифезда, дом милосердия или милости, при которой было пять крытых ходов. Это были галереи, в которых можно было ходить, сидеть, лежать больным, защищенным от непогоды и солнечного жара. В этих галереях, во времена Христовы, лежало множество больных, слепых, хромых, иссохших, страждущих сухоткой. Вероятно, они приходили, или их приводили и приносили туда только по временам, когда ожидалось движение воды, а некоторые оставались тут и долгое время в этом ожидании. Там был и 38-летний расслабленный.

При своем расслаблении, в Вифезде он имел обычное для себя виталище где, ожидая исцеления, и по-видимому, не имея у себя близких людей, ни родных ни добрых знакомых, жил подавляемыми прохожих. Все больные здесь ожидали движения воды. Ибо ангел Господень на всяко лето сходил в купальню и возмущал воду. Источник этой купальни имел целительную силу не всегда, а только по временам, и был целебен не для всех, а для тех только, кто прежде всех, по возмущении воды, входил в нее.

Не видно из евангелия, чтобы ангел Господень сходил в видимом образе на источник и возмущал его воду. Это было невидимое для других, но созерцаемое духовным оком святого евангелиста Иоанна действие ангела. То, что для других действие стихий, то для просвещенного духовного взора действие горних сил, поставленных Богом Творцом над теми или над другими силами природы. Этот источник, как и многие целебные источники, действовал особенно сильно периодически. Действием вездесущей Божьей силы в этом источнике вода, по-видимому, изливалась по временам с особой силой и изобилием, вследствие чего и возмущалась, делалась мутной или красной, кровавой, как свидетельствует предание древности. И только непосредственно по своему возмущению, вода оказывала необыкновенное целебное свойство, а затем теряла свое энергетическое действие. И только первый, кто входил в нее непосредственно по возмущении, выздоравливал. Потом вода теряла силу; как и на естественных целебных источниках в ванне, в которой искупался один больной, другой уже не купается, вода потеряла свою силу.

Тут был человек, находившийся 38 лет в болезни. Он был весь расслаблен, особенно страдал слабостью ног (хотя несколько и мог ходить). В эту болезнь он впал от

¹⁴ *Никанор*, арх. Херсонск. Поучения, беседы, речи, воззвания и послания (90 г.), стр. 423.

какого-либо особенного греха, может быть, от злоупотреблений юности. Увидев его лежащего и узнав, или от других бывших тут, или непосредственно по своему божественному всеведению, что он лежит уже долгое время, желая возбудить в нем силу веры, Господь Иисус говорит: “хочешь ли быть здоров?” Но больной, не поняв, к чему ведет речь его Собеседник, жалуется, что не может воспользоваться целебной силой источника. Так, Господи, —отвечает больной, — хочу быть здоровым, как не хотеть? “Но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода. Когда же я прихожу, другой уже сходит в купальню прежде меня.” Должно быть кроткое и доброе сердце было: он не высказывает никакой хулы, не отворачивается от Христа, предложившего ему как бы неуместный вопрос, не проклинает день своего рождения, как делают малодушные и в более легких болезнях; а отвечает кротко и робко. И Господь умилосердился над ним и, прозревая в нем веру, всемогущим своим словом исцеляет его. Господь Иисус говорит ему: *“встань, возьми постель твою и ходи.”* И он тотчас выздоровел, и взял постель свою и пошел.

А было это в день субботы, когда у иудеев нельзя было делать никакого дела, нельзя было нести постель. Посему иудеи говорили исцеленному: *“сегодня суббота, не должно тебе брать постель.”* Он отвечает им: *“кто меня исцелил, тот мне сказал, возьми постель свою и ходи.”* Он чудотворец, посланник Божий, и если Он велел взять постель в субботу, то Ему следует повиноваться беспрекословно.

Его спросили с оттенком пренебрежения к чуду и чудотворцу, с угрозой исцеленному и исцелителю, как преступнику, нарушителю субботы: *“а кто тот человек, который сказал тебе: возьми постель твою и ходи?”* Исцеленный же не знал, кто Он; в радости от исцеления, упустил Его из виду, не узнав даже имени своего бдогодетеля. А Иисус скрылся в народе, бывшем на том месте. Потом Иисус встретил его во храме, куда исцеленный, вероятно, пришел возблагодарить Бога за Его милость. И говорит ему Иисус: *“вот, ты выздоровел; не грешь больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже.”*

Вот, по словам самого Христа, грех расслабляет не только душу, но и тело. Грех сам по себе есть болезнь. Это я и хочу несколько растолковать вам.

Что такое грехи в частности, что называется грехом, это всякий знает. Грех — прелюбодеяние, грех — воровство, грех насилие и гневливость, грех грабеж и убийство. Но что такое грех вообще?

Трудно растолковать некоторым здесь, что такое норма жизни. Норма — это правило жизни, предписанное Богом, природой и человеческим обществом.

Вот, например, норма, предписываемая природой для телесной нашей жизни — следует питаться здоровой пищей, пить чистую воду, умеренно отдыхать, двигаться, работать, дышать, по возможности, чистым воздухом, беречь здоровье от всего, что может причинить ему вред и т.д. Кто отступит от этой нормы жизни телесной, тот учинит проступок против так называемой, гигиены, науки о сохранении здоровья.

Вот норма жизни нравственно-религиозной, предписываемая Богом и законом духа человеческого — веровать в Бога и благоугождать Ему, жить на земле для неба, любить ближних, чтить родителей, отцов духовных, отцов отечества и всякую богопоставленную власть, воздавать всем должное, быть справедливым и добрым ко всем, никого не обижать, не убивать, не развращать блудом, не красть, не лжесвидетельствовать, не желать чужого, довольствуясь своим, что кому Бог послал, вообще не творить никому того, чего не желаешь себе. Кто нарушит заповедь закона Божьего, закона духовного, написанного на скрижалях нашего сердца, тот сотворит грех.

Опытом жизни, в продолжении многих тысячелетий, человечество извело, что все заповеди истинного закона Божьего, что известные предписания нашей души, известные требования правильной телесной жизни обуславливают благосостояние как целых человеческих обществ, так и каждого человека в частности, и потому люди оградили обязательность заповедей закона Божьего и требований природы предписаниями и общественными законами. Кто нарушит предписание закона общественного, тот совершит преступление против этого закона. Но как законы общества опираются на законы человеческой духовно-телесной природы, а законы природы, правильно понимаемые, в конце концов суть заповеди закона Божьего, потому нарушение законов правильной телесной жизни, не противных закону ума и вообще закону нашего духа, как нарушение и законов нашей внутренней духовной жизни, как и предписаний закона общественного, есть в конце концов грех, преступление закона Божьего, нарушение воли Бога, Творца и каждого человека и всех людей и всех человеческих обществ. А потому грех есть всякое нарушение Божьей воли, преступление закона Божьего и истекающих из него предписаний нашей духовно-телесной природы, как и законоположений общественных.

Помните, мы хотим разъяснить, что грех есть болезнь, расслабляющая душу и тело.

Все грехи между собой связаны, потому что связаны заповеди, которые грехами нарушаются. А заповеди как общественного, так и естественного закона нашей природы, тесно связаны и между собой и с законом Божьим. Связаны потому, что проистекают из одного источника, закона Божьего, и на нем основываются. А заповеди закона Божьего суть единство, потому что произрастают из единого корня Божьей воли. Потому-то святой апостол Иаков (Иак. 2:10-11) и учит: *“Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем. Ибо Тот же, Кто сказал: не прелюбодействуй, сказал и: не убей; посему, если ты не прелюбодействуешь, но убьешь, то ты также преступник закона,”* нарушитель, оскорбитель всего *“закона,”* как и самого Законодателя.

В самом деле, посмотрите, как грехи вяжутся между собой. Возьмите праздность. Она называется мать всех пороков. Праздность родит скуку, скука нужду развлечений, нужда развлечений родит расточительность, расточительность при праздности родит хищничество, жажда развлечений родит пьянство, родит блуд всякого рода, родит насилие, родит обиду, убийство, грабеж и т.д. без конца. Возьмите пьянство. Пьянство родит безделье, родит расточительность, родит бедность и нужду, родит жестокость в собственной семье, родит хищничество, родит обиду и насилие, родит бесчестие и потерю образа человеческого. Возьмем гневливость... Но начинать ли о каждом грехе с начала и повторять одно и то же, что, например, гневливость родит обиду, необузданность, мстительность, насилие, ярость, убийство, поджоги и т.д.

Все мы грешны, а между слушателями есть и весьма опытные в грехах люди. Всякий из нас знает, как слабость развивается в грех, в склонность, в страстность, в ожесточение во грехе. Взять ли, наприм., пьянство, взять ли блуд, взять ли скупость, взять ли хищничество? Иной мальчик утащит мелочь у своей матери, утаит вещь, принадлежащую сверстнику, слазит и привыкнет лазить в чужой огород или сад; а глядишь, возмужает, найдет дорогу и в чужой амбар, и в чужую кладовую, заберется и в дом со взломом, а там разломит кому-либо и голову ломом. А началось у человека, у мальчика, чуть не у ребенка с мелочей.

Имейте в виду, что грех — болезнь, расслабляющая душу и тело; это мы хотим разъяснить себе.

Законодатель Бог знает, и в свою очередь просвещенное законом Божиим человечество, тысячелетними опытами давно и прочно умудрено, в чем заключается норма жизни, уславливающая здоровье человеческой души и тела, и как это здоровье сохранять и поддерживать. Этому-то, как сохранить и поддерживать здоровье тела и духа, как соблюсти благосостояние каждого человека и общества человеческого, как соблюсти норму жизни, — этому и учат заповеди закона Божьего и основанные на них общественные законоположения. Кто нарушает эти законоположения и заповеди, кто отступает от нормы жизни, тот непременно причиняет себе болезнь и тела и духа, и обратно. Заметьте, что тело тесно соединено с душой. Но далее нужно иметь в виду, что в нашем существе есть бедственное раздвоение двух природ, телесной и духовной, почему и царит внутри нас постоянная борьба между законом, сущим в членах наших и законом ума или вообще духа. Потому не всякое нарушение естественных требований человеческого тела есть грех, не всякое бывает и болезнью; не всякое расслабление тела есть вместе и расслабление духа.

Например, благословенным Бога ради постом укрепляется дух. Усталостью после доброго труда укрепляется дух. Высоким самоотвержением ради Бога и людей укрепляется дух. Любовью отца и трудом его для семьи укрепляется дух отца; самоотверженным трудом матери ради детей укрепляется дух матери, и т.д. без конца. Но все проступки против телесного благосостояния, которые в то же время преступают и законы духа, составляют не только болезнь, но и грех. Так и взаимобразно, не только грех, но и болезнь.

Например, членовредительство, ради нищенства, или во избежание воинской повинности, или из мести кому-либо другому, есть и болезнь и грех, как и обратно. Самооскопление, нарушение одной из первых основных заповедей Божьих плодитесь и размножайтесь, есть болезнь и грех. Исступленное факирство, извращенное подвижничество, есть болезнь и грех. Самосожжение — болезнь и грех. Самоубийство всякое — болезнь и грех. Это ясно.

Но всякий собственно-душевный грех непременно и душу расслабляет и разрушает благосостояние телесное. Посмотрите на пьяниц, посмотрите на обжор: нужно ли тут доказывать, что их слабость, что их грех, что их страсть расстраивают и душу и тело? Посмотрите на скупца, который, обоготворяя сундук, морит голодом и холодом и всякой нуждой себя самого и свою семью? Здоров ли он духом и телом? Посмотрите на честолюбца, посмотрите на гордеца: всякая мелочь в отношениях к другим причиняет им невыносимые убийственные боли сердца. Здоровы ли они? Посмотрите на любодея, — сколько болезней стерегут его на пути к удовлетворению его страсти? Посмотрите на нецеломудренных холостяков: как рано теряют они все идеалы жизни? Как рано черствеют сердцем? Как скоро расточают и губят всякую привязанность к жизни? Какие они жалкие, беспомощные, бесприютные сироты на старости лет? Здоровы ли они? Посмотрите на вора, на грабителя, на убийцу, — как трясутся они Каинами между людьми до конца века? Какие грезятся им чудища? Сколько трепета в ожидании кары суда человеческого и страшного суда Божьего? Здоровы ли они?

Посмотрите на самый тонкий духовный грех, на неверие. Как естественно и скоро развиваются у безбожников позы на всякий грех! Как они внутренне разбиты! Как унылы! Как мрачны! Как легко у них поднимается рука на чужую жизнь! Как мало они

дорожат и своей! Или иногда наоборот, как они малодушны и трусливы за свою жизнь, при глубоком равнодушии к чужой! Как они часто и глубоко ненавидят не только людей, но и себя! Как скоры они на проклятие небу, в которое не веруют! С каким мрачным упоением призывают они упоение в ничтожестве! Почему неверы так часто поднимают убийственную руку и на самих себя. Нужно ли спрашивать, здоровы ли они? Здоровы ли острожники, не потому только, что они дышат несколько спертым воздухом тюрьмы, но именно потому, что они острожники? Здоровы ли каторжники, отверженные обществом? Здоровы ли преступники, острожники и каторжники, которые еще не попали ни в острог ни в каторгу, но трясутся как Каины, ежечасно от трепета, что вот-вот попадутся сперва в острог, а затем и в каторгу? Это вечные мученики, вечные страдальцы, трясущиеся лихорадкой от страха.

Нужно ли даже спрашивать, что грехи расслабляют тело и душу, как злейшие болезни? Посмотрите на то, как господствующие и развивающиеся в наше время пороки разлагают гнилой гангреной наше общество? Сколько они порождают болезней, сколько бед, сколько стонов и воплей, сколько отчаяния? Посмотрите на это развивающееся всенародное пьянство, — разве оно здоровье народа? Посмотрите на язву конокрадства, на язву казнокрадства, на язву бесчестнейшего хищничества во всех общественных слоях, на язву разрушительного эпидемического поджигательства, — разве это здоровье общества? Посмотрите на язву разрастающегося блуда, которая, как зловарный рак, разъедает семейную жизнь. Посмотрите на то безверие, которое родит отчаянные замыслы на разрушение общества, которое родит недовольство всем и всеми, начиная в каждом безбожнике с себя самого, которое потрясает нашу отчизну отчаянными посягательствами на убийства, которое сделало в наши дни самоубийства заурядным явлением. 11-летние гимназисты стреляются, 9-10-летние дети режут головы другим! 80-летние старики накладывают на себя руки! Слыхано ли!? Здоровы ли мы?!

Не сходим ли мы с ума повально, начиная с представителей суда и адвокатуры, которые, согласно с церковью, видят в преступнике больного, почему и утверждают нередко, что преступник учинил нарушение закона, например, убийство, в аффекте чувства, почему и полагают, уже вопреки учению церкви, что убийцу, как больного, действовавшего под неодолимым влиянием аффекта, только следует лечить, как больного, а не казнить, как виновного, нередко возвращая его в общество, устрашая и заражая общество, расходясь с церковью именно в воззрении на значение болезни преступления, на степень участия в нем преступной воли, и на лекарство, которым эту болезнь следует лечить целесообразно, соответственной карой, согласно извечному закону Божию, а не признанием невменяемости и невинности, по требованию новейшей юриспруденции.

Так видите, братие, что все грешники, от них же первый есмь аз, больные перед очами Божиими, жалкие расслабленные перед очами правды и милости Божией.

Молитесь Богу. Помолимся все молитвой, которую влагает церковь в уста каждому из нас в сей благословенный день евангельского расслабленного. “Душу мою, Господи, грехами всяческими и безместными деяниями жестоко расслабленную, воздвигни божественным твоим предстательством, якоже и расслабленного Ты воздвигл еси древле, чтобы я, спасаемый Тобою, воззвал к Тебе: щедрый, милосердный, слава Христе державе твоей.” Аминь.

Поучение в неделю о расслабленном.¹⁵

(Побуждение служить больным).

*“Есть же в Иерусалиме у Овечьих ворот купальня,
называемая по-еврейски Вифезда,
при которой было пять крытых ходов”*

(Иоан. 5:2).

Слова из ныне читанного Евангелия. Они благовестуются неизменно на молебне, совершаемом при малом водоосвящении. Всякий раз, читая это место Евангелия, представляю себе больницу — здесь тоже лежат болящие и чают исцеления от любви и усердия общины, Богу споспешествуя. Какое это благодетельное учреждение! Как благотворна и наша Вифезда! Вечные благословения и благодарения основателям и покровителям ее! Вечные благословения и всем исполнителям высоких целей ее. Истинно дело это Божественное. Сам милосердный Господь Иисус Христос видит в нем образ Своей любви и радуется ему со всеми Ангелами. Сколько страданий облегчается здесь! Сколько нужд душевных и телесных призревается! Сколько тяжелых и горьких дней улаживается и успокаивается здесь! За то, сколько и благодарных чувствований должны воссылаться к престолу Мздовоздателя! Прекрасное учреждение — дом милосердия.

В Иерусалимском доме милосердия был сам Спаситель и послужил одному 38-летнему страдальцу, исцелил его силой Своей и словом Своим. И ныне Он непрестанно, подобно Отцу небесному, благодеющий, всегда находится у изголовья всякого страждущего; Он всегда близ боящихся Его и творящих волю Его. И ныне Он непременно благословляет и укрепляет всех, служащих ближнему, по примеру Его. Это Он, любвеобильнейший, нашел среди дороги покинутого, ограбленного и израненного несчастного, омыл и обвязал его раны, послужил ему, потом поручил и другим, т. е. и каждому из нас, служить ему и подобным ему. Сегодняшнее чтение Евангелия, об исцелении расслабленного, есть подтверждение сего поручения — служить нуждающимся. Блажен исполняющий это завещание!

Больница, где слышны стоны и вздыхания страждущих, чающих услуг, помощи, утешений и участия, точно Церковь, в которой молитвы и моления прямо идут к Богу Благодетелю. Это — училище испытания для вечной славы, училище назидания для спасения души и тела. Это истинно сокровищница, в которой можно получить ручательство для наследия вечного блаженства. Это чудная врачебница, в которой собственными, в нас самих находящимися, врачевствами, а именно — трудом, бодрствованием, терпением, благодушием и неослабным усердием — исцеляемся от болезней духовных, разрешаемся от долгов правде Божьей, надеемся вечно радостно жить.

Вот что значит Вифезда, или дом милосердия! Блажен, кому приходится здесь молиться! Славна та мудрость, которая приобретается в этом училище. Нетленны и бесценны сокровища того, кто их здесь берет. Во веки жив врачующийся тут! Блажен и всякий, кто, хотя и малым чем, покажет здесь свое участие.

Пусть не напрасно будет напоминание святой Церкви. Пусть оно одних укрепит и поощрит в своем деле, а других расположит помогать и поддерживать святое дело вниманием, посильным участием. Будем все стараться угождать Богу, служить Ему в лице своих ближних. Аминь.

¹⁵ Романов И., прот. Полное собрание поучений (88 г.), стр. 421.

Божественное милосердие и человеческая злоба.

Четвертую неделю по Пасхе Святая Православная Церковь посвящает прославлению одного из величайших чудес Христа Спасителя, именно исцеления расслабленного при овчей купели в Иерусалим.¹⁶ Это чудо совершилось при весьма знаменательных обстоятельствах и составило один из решительных моментов в служении и земной жизни Христа Спасителя, так как оно именно впервые во всей силе обнаружило затаенную злобу представителей отживавшего иудейства к божественному провозвестнику Нового Завета. Вместе с тем оно послужило и поводом для Христа произнести перед велеучеными книжниками ту знаменитую проповедь о Своем единосущии с Богом-Отцом, которая, неотразимая для человеческого разума, навсегда сделалась не только для древних книжников и фарисеев, но и для всех последующих отрицателей божества Иисуса Христа, обличением того, что их отрицание исходит отнюдь не от непредубежденного, ищущего истины разума, а от злой воли, не желающей прямо глядеть в глаза истине.

Вспоминая об этом событии и извлекая из его истории возвышенные назидания, церковь тем самым призывает и нас перенестись мыслью к тому отдаленному времени, когда совершилось само событие, столь поразившее жителей Иерусалима. Постараемся же воспроизвести это событие во всей его наглядной обстановке, как оно описывается Святым Апостолом Иоанном и обрисовывается перед нами при свете древних преданий и новейших научных исследований и открытий.

Палестинская весна находилась в полном расцвете своей благоухающей красоты. Приближался месяц нисан, соответствующий нашему марту, и народ, отдыхая от полевых трудов и с надеждой взирая на зеленеющие и колосющиеся нивы, готовился к величайшему из своих праздников, Пасхе. Приближение великого праздника чувствовалось уже задолго, так как, пользуясь свободным временем, многие паломники прибывали в святой город недели за две — за три, и даже за месяц, тем более, что именно за месяц до Пасхи праздновался один чисто национальный иудейский праздник Пурим, установленный в память избавления иудеев от грозившей им опасности во времена Есфири и Мардохея.

В числе ранних паломников прибыл в святой город и Иисус Христос, который, совершив первый круг Своего общественного служения в Галилее, направился в Иудею, чтобы и там, в самом центре отживающего закона, возвестить о наступлении царства благодати. Он прибыл к самому празднику Пурим.¹⁷

В обычное время город гремел от ликований народа, шумно праздновавшего свое избавление от ненавистного Амана, имя которого ежегодно проклиналось в синогогах во время собраний в этот праздник; но при вступлении Христа в город в нем царил торжественная тишина: как-будто все замерло в нем и только изредка по опустелым улицам и площадям с торжественной важностью, опасаясь сделать лишний шаг, проходили сановные книжники и фарисеи, направляясь в синогоги или к храму. Причиной этой мертвенности была суббота, которая давно уже из дня благословенного отдыха для

¹⁶ Иоан. 5:1-16.

¹⁷ Мнения о том, какой собственно праздник разумеется в Иоан. 5:1, чрезвычайно расходятся; но что под этим “праздником иудейским” нельзя разуметь Пасхи, это, по нашему мнению, ясно дает понять сам евангелист, который в следующей же главе (6:4) определенно говорит, что собственно Пасха только еще “приближалась.”

всех труждающихся и обремененных, под влиянием бездушного и мелочного законничества книжников, превратилась в тяжкое иго.

Направляясь к храму, Христос проходил мимо овчей купальни, так называемой по-еврейски Вифезда, т. е. “дома милосердия.” Это был один из тех водоемов, которыми изобилдовал древний Иерусалим. Где он собственно находился, с точностью неизвестно; но новейшие археологические открытия по-видимому дают возможность предполагать, что он был в северо-западном углу храмовой ограды. Там открыт водоем, который был высечен в скале и имел $23\frac{1}{2}$ сажени в длину и около семи сажень в ширину, причем посередине разделялся особой каменной стеной на две половины. В этом водоеме еще и теперь просачивается вода, свидетельствующая о подземном источнике; но он завален мусором и потому вода в нем не пригодна для употребления. Совершенно в ином состоянии он находился во времена Христа. Высеченный из скалы, с большим трудом и предназначенный главным образом для омовения внутренностей приносимых в жертву животных, этот водоем имел уже по самой своей близости к храму священное значение и содержался в чистоте. Но он славился и еще более важным преимуществом перед другими водоемами, именно: чудесной целебностью своей воды, которая под таинственным влиянием ангела приходила по временам в необычное брожение и волнение и давала исцеление от разных болезней тому, кто имел возможность первым воспользоваться благоприятным моментом и искупаться в ней.

Это чудесное свойство воды в овчей купальне естественно привлекало к ней множество всякого рода больных, которые и ждали с нетерпением желанного момента. Частная или общественная благотворительность дала возможность построить особый приют для страдальцев, именно пять крытых галлерей, которые собственно и назывались “домом милосердия.” Великий Врач душ и телес не преминул посетить это обиталище страждущих, и тут Его Божественный взор пал на одного страдальца, который представлял собою, так сказать, воплощение страдания и безграничного отчаяния. Это был расслабленный, т. е. разбитый параличом, больной, который вот уже тридцать восемь лет нес на себе страшное иго своего недуга.

Тридцать восемь лет! — целая жизнь страдания и безнадежного горя. Еще в цветущей молодости, когда жизнь только что развертывалась перед ним со всеми своими надеждами и прелестями и когда он, как и естественно для молодого человека, строил планы для будущего, самонадеянно полагаясь на свои силы и свое богатство, его неожиданно поразил таинственный удар, превративший цветущего юношу в преждевременную развалину. Неизвестно, подготовил ли почву для этого бедствия сам он своей неумеренной жизнью, наподобие блудного сына, но во всяком случае иудеи всегда связывали подобные бедствия с тайными или явными грехами, и потому больной, кроме телесного страдания, нес еще и тяжкий душевный укор, который невольно читал в глазах прохожих. Сначала он еще не терял надежды на выздоровление и обращался к врачам, на которых истратил все свое состояние;¹⁸ но все было напрасно, и уже обнищавший и оставленный всеми он приполз к целебному источнику, ожидая теперь исцеления единственно от воды и Божьей милости.

Но и находясь у целебного источника, он с грустью видел, что не в состоянии воспользоваться им: когда наступало возмущение воды, он не только не имел силы сам вовремя спуститься в купель, но даже не имел и такого близкого человека, который помог бы ему первым погрузиться в целебную влагу, и потому ему оставалось только с

¹⁸ См. Синаксарь, Цветн. триодь, лист 79 на обор.

сердечной болью и отчаянием видеть, как другие раньше его успевали воспользоваться благоприятным моментом и выходили из воды здоровыми. И вот расслабленный телом и с разбитым сердцем, потеряв всякую надежду на возможность исцеления, он много уже лет лежал на своем одре, представляя собой не более как “непогребенного мертвеца,” который даже забыл, что значит жизнь, и для которого лишь в отдаленном прошлом как мимолетный сон в неясных очертаниях рисовалась греховно прожитая юность. Если и вообще тяжело состояние подобных страдальцев, то страдание их становится еще более ужасным в праздники, когда вокруг их люди более обыкновенного наслаждаются благами жизни.

И можно представить себе, что чувствовал несчастный Иар (таково по древнему преданию было его имя), когда он таким образом в радостный день праздника Пурим, оставленный всеми, как бы заживо отпетый, угрюмо лежал на своей бедной постели. Не ожидая никакой радости от окружающего мира, который напротив самым видом своим лишь возбуждал в нем горечь безнадежно-погибшей жизни, он весь ушел в себя, в свой внутренний мир, стараясь хотя в нем найти забвение от своего страшного недуга.

Из этого мрачного полузабытья вдруг вывел его неожиданно раздавшийся голос Незнакомца, который спросил его “хочешь ли быть здоров?” Можно представить себе, каким трепетом пробежал этот вопрос по изможденным членам страдальца, и яркий луч вдруг воскресшей надежды озарил его мрачную душу. Как же не хотеть, особенно после почти сорокалетней болезни? Неужели еще не совсем погибла его жизнь, и есть еще на свете добрый человек, который сочувствует ему и намерен оказать ему содействие при ближайшем возмущении воды? С быстротой молнии пробежали в его душе эти или подобные мысли, и страдалец с зогоревшимся в потухших глазах огнем надежды обратился лицом к доброму Незнакомцу и объяснил ему свое беспомощное состояние.

“Так, Господи,” ответил он (хочу быть здоровым), *“но не имею человека, который опустит бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня.”*

Бедный! Он и не подозревал, Кто говорит с ним и что ожидает его, лишь с смутной надеждой излагал доброму Незнакомцу, столь ласково зогорившему с ним в день праздника, свое печальное положение, как бы стараясь этим еще более расположить к себе Незнакомца. Сердцеведец проведал всю горестность душевного состояния страдальца, и не медля больше, властно сказал ему: *“встань, возьми постель твою, и ходи!”* Трудно и представить себе, с каким изумлением расслабленный, уже давно забывший, что значит встать и ходить, выслушал это властное повеление. Но в то же время он сразу почувствовал в своем изможденном теле приток небывалой силы, шевельнул своими членами и почти в испуге встал и озирался кругом.

Что все это значит? Не обманчивый ли сон, не сладостная ли греза, созданная больным воображением, чтобы только повергнуть его потом в еще более мрачное состояние с возвращением к безотрадной действительности?

Но нет, — он уже не лежит на своей постели, даже берет ее окрепшими руками, и чтобы убедиться, что все это действительно не сон, не обманчивый призрак, он взвалил себе постель на плечи, и пошел, вероятно, и сам не зная куда, но конечно поскорее и подальше от Вифезды с ее мрачными для него воспоминаниями...

Все это произошло с такой неожиданностью и “непогребенный мертвец,” как выражается церковная песнь, внезапно возвратившись к нормальной, здоровой жизни, находился в таком растерянном состоянии, что от радости забыл даже хорошенько

распросить, Кто же собственно его чудесный благодетель, тем более, что и Христос, избегая огласки великого чуда, которое должно было говорить само за себя, незаметно скрылся среди толпы прохожих.

Поэтому счастливый Иар, все крепче прижимая постель к плечу, чтобы, так сказать, чувством тяжести отогнать от себя страшную мысль, не во сне ли он, бессознательно шел по городу, наслаждаясь самым процессом ходьбы и изумленно озираясь на прохожих, которые должны были невольно обращать внимание на его до странности восторженное состояние. Если некоторые при этом узнали в нем, вероятно, многим известного уже по самой продолжительной своей болезни расслабленного, то можно представить себе их изумление. Обратили на него свое внимание и некоторые из книжников, и они, как строгие ревнители отеческих преданий, были неприятно поражены видом человека, который, вопреки строжайшим постановлениям раввинов, нарушал священный покой субботнего дня тем, что нес на себе свою постель. По воззрению представителей отживавшего свой век закона, это было страшное преступление.

Иудейство в это время представляло собой, так сказать, иссохшее дерево, которое, уже не принося плода и только обременяя своим источенным червем веков стволлом землю, ожидало секиры, которая уже и лежала при его корне. Это была бездушная система правил и предписаний, которые, будучи лишены духа жизни, служили только тормозом для свободного проявления истинной религиозности и нравственности. Но самым характерным пунктом этой системы было именно суббота, без которого немислимо было самое иудейство. Суббота в этот век упадка иудейства была тем именно девизом, или шибболетом, за святость которого готов был умереть правоверный, истый иудей. Всем известен был случай, как один иудей-матрос отказался, несмотря на угрозы смертью, управлять рулем корабля, захваченного на море страшной бурей, и только именно потому, что в это время уже наступили часы субботнего покоя. Мало того, целые отряды воинов готовы были скорее подвергнуться поголовному избиению от неприятеля, чем в субботний день взяться за оружие для самозащиты. Если так крепко держался суббота простой народ, то нечего уже и говорить об ученых книжниках и фарисеях. Почти вся их ученость и все их благочестие сосредоточивалось на изыскании и исполнении самых тончайших правил касательно соблюдения субботы.

И интересно и поучительно видеть, до каких нелепостей может доходить обрядовая ревность, когда она, забыв о духе, всецело посвящала себя на служение букве. Начало субботы отмечалось обыкновенно закатом солнца накануне, а в пасмурные дни — тем моментом, когда куры садились на насест. В этот момент из храма раздавался трубный звук, после которого суббота вступала во все свои права. По предписанию раввинов, нужно было до этого момента заготовить всю пищу для следующего дня, вымыть посуду и зажечь все светильники. “В пятницу, до начала субботы, гласило одно правило, никто не должен выходить из своего дома с иглой или пером, чтобы не позабыть сложить с себя этого бремени с наступлением субботнего покоя. Всякий должен также обыскать в это время свои карманы, чтобы в них не осталось чего-либо такого, что запрещено носить в субботу.” Правила затем определяли, можно сказать, всякий шаг правоверного иудея. Он мог проходить лишь известное число шагов и не мог, например, носить сапогов с гвоздями в подошвах, потому что эти гвозди уже составляли “бремя.”

Не ограничиваясь этим, книжники внесли массу казуистических тонкостей даже в самую свою ученость и книжность, строго определяя, что и сколько можно писать в субботу. Нельзя было, например, писать двух букв подряд одной правой или левой рукой,

да и вообще писать на обыкновенном пергаменте и обыкновенным способом. Но если кто-нибудь писал буквы не сразу, а с промежутками, притом писал их каким-нибудь необычным способом, вывернутой рукой, или ртом, или ногой, писал на каком-нибудь непрочном материале, или даже писал две буквы подряд, но так, что одна приходилась на одной странице книги, а другая на следующей, так что их нельзя было прочесть сразу, то такое писательство еще допускалось в субботу, хотя наиболее строгие раввины считали серьезным вопросом, не происходило ли нарушения субботы даже в том случае, если кто-нибудь писал две буквы связного слова так, что одна была написана им утром, а другая к вечеру.

Самые точные правила существовали и касательно того, сколько пищи можно было носить при себе в субботу. По объему это количество должно быть не больше сушеной смоквы; меду не больше, чем сколько требуется для облегчения раны, воды не больше, чем сколько нужно для того, чтобы сделать брение для глаз, бумаги не больше, чем сколько может войти в филактерию, чернил не больше, чем сколько нужно для написания двух букв. Дело доходило до того, что строгие раввины считали непозволительным давать лекарства больным, выправлять вывихнутый член, вытаскивать из-под развалин задавленного человека. Римские сатирики язвительно издевались над этой мелочной казуистикой субботства, но в ней заключалось все существо отжившего иудейства, и потому иудеи держались всех этих правил с неослабным рвением, как бы опасаясь, что с разрушением этой казуистики рухнет и весь закон, вся ветхозаветная религия.

Понятно после всего изложенного, с каким священным ужасом строгие ревнители раввинских правил увидели, как какой-то дерзкий человек бойко шел по улицам священного города, неся на плечах такое страшное “бремя,” как его жалкая постель. Они не стерпели, чтобы не подойти к нему и указать на всю дерзость и святотатственность его поступка. *“Сегодня суббота, сказали они ему; не должно тебе брать постели.”* Счастливец, быть может, только теперь вспомнил, что это была действительно суббота; но он был слишком упоен своим неожиданным счастьем, чтобы придавать значение казуистическим тонкостям раввинства, и смело отвечал: *“Кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми постель твою, и ходи.”*

Такой ответ не мог не поразить вопрошающих. Нарушался священнейший закон иудейства, и нарушался к удивлению тем, кто может исцелять, и притом, исцелять даже таких безнадежных больных, как этот расслабленный, считавшийся всеми “непогребенным мертвецом.” Кто же этот странный нарушитель субботства? Уж не тот ли галилейский Пророк, который в прошлую Пасху произвел такое необычайное возбуждение в городе, когда он, пылая праведным гневом на кощунственную алчность иудеев, очищал храм от внесенного в него торгашеского осквернения? Весь ход дела показывает, что строгие ревнители субботства тут же догадались, кого именно нужно разуметь под этим незнакомцем, который очевидно опять прибыл в Иерусалим, чтобы нарушать законническое спокойствие, а главное обличать пустоту и лицемерие раввинов и книжников. Надо поскорее удалить Его из святого города и во всяком случае постараться о том, чтобы как-нибудь потушить могущую распространиться молву о великом чуде. Поэтому, обходя самый вопрос об исцелении и исключительно упирая на нарушение субботы, иудеи опять допытываются: *“Кто тот человек, который сказал тебе: возьми постель твою и ходи?”* Но исцеленный не мог удовлетворить их лицемерного любопытства, потому что и сам не знал, кто был его чудесный врач. Только уже после он

встретился с Ним в храме, куда отправился возблагодарить Бога за свое чудесное исцеление, и выслушал от Него наставление: *“вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже.”*

Евангелист не сообщает, как исцеленный отнесся к своему великому Врачу — пал ли он перед Ним на колени и в слезах умиления изливал Ему свои благодарные чувства? Такое предположение было бы естественнее всего. Но к несчастью, дальнейший ход дела показывает нечто другое. Бывают такие черствые, злые натуры, которые недоступны для благородных чувств, так что даже и величайшее благодеяние способно вызвать в них лишь внешний, холодный знак снисходительной признательности, и при встрече со своим благодетелем они скорее чувствуют неловкость своего обязательства перед ним, чем радость близости с ним, и потому способны даже сделаться враждебными ему. Повидимому, к такого рода натурам принадлежал и исцеленный Иар. Недаром Христос, встретив его в храме, сделал ему строгое внушение, предостерегая от дальнейших грехов, чтобы *“не случилось с ним чего хуже.”* Очевидно, Иар нуждался в таком предостережении. А если это предположение верно, то становится вероятным и то, что внушение пало на каменистую почву.

Иар был, очевидно, человек, до мозга костей пропитанный законничеством, сделавшим из него скептика, не способного ни к каким живым религиозным впечатлениям, и потому при встрече со своим Благодетелем он нисколько не уверовал в Него, а, напротив, увидел в Нем лишь нарушителя субботства, да и самое исцеление не против был, очевидно, приписать какой-нибудь счастливой случайности. Такая черствая неблагодарность может показаться невероятной; но разве менее поразителен был случай такой неблагодарности со стороны тех десяти прокаженных, которые были избавлены Христом от худшей из болезней, делавшей из них живых мертвецов, и из числа которых лишь один самарянин счел своим долгом возвратиться к Божественному Врачу и от всей души возблагодарить Его? Как известно, один только этот прокаженный за свою благодарность получил еще и высшее благо, удостоившись милостивого слова, что *“вера спасла тебя.”* А так как Иар не удостоился этой милости, то очевидно, он и не заслужил ее. По всему видно, что к самому внушению Христа он отнесся с пренебрежительной обидчивостью, и не выражая чувств благодарности, не давая обещания впредь не грешить, *“человек сей пошел, и объявил иудеям, что исцеливший его есть Иисус.”*

Этого только и нужно было бездушным законникам. Они были слишком черствы, чтобы и теперь обратить внимание на ту сторону дела, что ведь пророк, способный совершать такие великие исцеления, очевидно, облечен властью свыше. Нет, им дороже всего на свете было их излюбленное субботство, и поэтому они *“стали гнать Иисуса, и искали убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу.”* Можно бы думать, что такой результат дела по крайней мере должен был пробудить чувство угрызений совести в Иаре. Но древнее предание, как бы делая вывод из психологического анализа Иара, сообщает поистине ужасную вещь, показывающую, до какой бездны черной неблагодарности может доходить человек к своему благодателю. По этому преданию, Иар впоследствии вполне перешел на сторону врагов Христа, и он был именно тот жестокий и дерзкий слуга, который во время суда над Христом в доме первосвященника нанес Ему удар по щеке, приговаривая: *“так отвечаешь Ты первосвященнику?”* (Иоан. 18:22¹⁹).

¹⁹ Когда Он сказал это, один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику?

Предание это, впрочем, предполагает слишком чудовищное существо, чтобы с ним могло мириться человеческое чувство, и потому оно находит себе опровержение в синаксаре Цветной Триоди, вместе с которым и мы чувствуем потребность предполагать, что в данном случае человеческая неблагодарность не дошла до такой чудовищной, сатанинской степени, хотя в то же время самая возможность существования такого предания заставляет сугубо взывать к Божественному Врачу душ и телес, чтобы Он, как поется в церковной песне, “душу нашу, во гресех всяческих и безместными деяньми, люте расслаблену, воздвиг божественным Своим предстательством, яко же и расслабленного воздвигл древле.”

Между тем, кровожадное гонительство иудеев послужило поводом для Христа произнести великую проповедь, в которой Он перед изумленными книжниками и фарисеями раскрыл тайну Своего единосущия с Богом Отцом. Доселе Он раскрывал эту тайну лишь косвенно — посредством необычайных дел, или случайно — в беседе, например, с одинокой самарянкой у колодезя Иаковлева; но теперь обстоятельства требовали ясно и открыто высказаться о Своем мессианском достоинстве перед велеучеными книжниками, которые, ослепленные мелочностью своего буквоедства и законничества, оказались слишком близорукими, чтобы видеть, что все еще ожидаемый ими Мессия уже стоял перед ними и ждал от них веры и признания.

Об этом для них уже ясно засвидетельствовано было Иоанном, а затем и такими делами, которые давали свидетельство еще свыше Иоаннова, показывая, что в основе таких великих и чудесных дел, каким было хотя бы только что совершившееся исцеление расслабленного, может лежать только всемогущество самого Бога. Достаточно было сделать простой вывод отсюда, чтобы видеть, кто же такой собственно этот пророк из Назарета. Об этом свидетельствует и все Священное Писание, и достаточно без предубеждения исследовать его, чтобы убедиться в божественности Иисуса Христа. Поэтому, заключил Христос Свою проповедь, *“если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне; потому что он писал о Мне. Если же его писаниям не верите; как поверите Моим словам?”* (Иоанн. 5:46-47).

Как громы небесные раздавались в ушах напыщенных и озлобленных книжников эти вдохновенные слова Сына Божьего. Они слушали и не верили своим ушам. Божественные доводы этой речи были неотразимы и внутренний голос совести не мог не сочувствовать истине. Но — слава человеческая была для них дороже всего на свете, дороже славы Божьей, и потому они, подавив в себе все лучшие чувства, всецело подчинились своему, так сказать, сословному эгоизму и пришли в ярость оттого, что этот неученый галилеянин, из презренного Назарета, осмелился поучать их — велеученых книжников и избличать в непонимании и даже неверии тому самому закону Моисееву, изучение и истолкование которого составляло их исключительную специальность и обязанность и которому они посвящали всю свою жизнь! Этого они не могли больше стерпеть, и, как замечает евангелист, *“еще более искали убить Его Иудеи за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу”* (Иоан.5:18).

До такой-то степени может доходить ослепление и озлобление людей, которые, как будто посвящая себя на служение истине, в действительности служат лжи и приходят в крайнее неистовство, когда перед ними во всем блеске открывается сама истина! И это было не только в древности — с иудейскими книжниками, но бывает нередко и с новейшими книжниками, которые также под видом искания поисков в действительности

ищут ложь и распространяют ее. В руководство им дан не только Моисей, но и Сам Христос; Святая Церковь не перестает вразумлять и поучать их, а они, все с тем же иудейским законническим упрямством, не внимая живому голосу Христа и церкви, создают свои собственные системы, вкривь и вкось толкуют самые простые истины и поэтому, вместо божественной истины, служат своему книжному эгоизму и приходят к отрицанию и Христа и церкви, на место которых проповедуют рационализм или сектантские бредни. Пусть же новейшие “книжники и фарисеи” поймут из изложенной евангельской истории, к чему именно приводит подобное ослепление, и пусть они опасаются, чтобы им не оказаться ближайшими соучастниками древних книжников и фарисеев в их кровавом искании “убить Христа...”

Библиографический указатель слов, бесед и поучений на Неделю о Расслабленном.

- Арсений, митроп. Киевский.* Сочинения. (73 г.), т. I, стр. 174-183.
Димитрий, арх. Херсонский. Полное собр. проповедей (90 г.). т. III, 41-57.
Иннокентий, арх. Херсонский. Сочинения (72 г.), т. I, 502-510.
Никанор, арх. Херсонский. Собрание сочинений (90 г.), т. II, 423-433.
Филарет, арх. Черниговский. Слова и беседы (63 г.), ч. II, 45.
Евсевий, арх. Могилевский. Бес. на воскр. и праздн. еванг. (63 г.), т. I, 141-154.
Его-же Бес. на воскр. и праздн. чтения из апостола (67 г.), ч. I. 88-94.
Леонтий, арх. Варшавский. Слова, поучения и речи (76 г.), т. I, 53.
Сергий, арх. Владимирский. Годичный круг слов (98 г.), 17-20.
Серафим, арх. Воронежский. Слова и речи (76 г.), т. I, 205-217.
Евламний, арх. Тобольский. Святая Пятидесятница (58 г.), 242-258
Сергиев И., прот. Полное собр. сочинений (94 г.), т. II, 207-210.
Белоцветов А. Круг поучений (94 г.), 41.
Романов И., прот. Полн. собр. поучений (88 г.), 414-418.
Долинский И., свящ. Краткие поучения (94 г.), 180-184.
Красовский П. Поучения дая простого народа (70 г.), 92-97
Дьяченко Г. Ежедневные поучения (97 г.), 40-49.
Лядский А., свящ. Поучения (70 г.), 114.

Неделя о Самарянке.

I. Евангельское чтение.

Зачало (12). Евангелие от Святого Апостола Иоанна 4:5-42.

5 Итак приходит Он в город Самарийский, называемый Сихарь, близ участка земли, данного Иаковом сыну своему Иосифу.

6 Там был колодезь Иаковлев. Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа.

7 Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: дай Мне пить.

8 Ибо ученики Его отлучились в город купить пищи.